

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В ПРЕДИСЛОВИИ А. ФЕТА
К ПЕРЕВОДАМ «ОД» ГОРАЦИЯ 1856 г.

Кристина Сарычева
(Гарту)

Русские литературные критики, откликнувшиеся на «Лирический пантеон» (1840) и сборники «Стихотворений» А. А. Фета (1850, 1856) соотносили его лирику (оригинальную и переводную) с античной поэзией и с антологической поэзией Гете¹.

Влияние поэзии Гете и Горация на лирику Фета отмечал П. Н. Кудрявцев в анонимной рецензии 1840 г. на сборник стихотворений поэта «Лирический пантеон»:

Для нас всего отраднее и утешительнее в этом случае знакомство, и, как кажется с первого взгляда, знакомство очень близкое и родственное с древней лирической музой, и потом — с вдохновенною музою Гете, которая в *спокойном величии*² часто так близко подходит к своей, уже отягченной годами, но вечно юной подруге. Переводы из Гете и Горация служат тому доказательством [Кудрявцев: 40–41].

В рецензии на «Стихотворения» А. Фета 1850 г. Григорьев, как и его предшественник, упоминал о влиянии Гете и Горация на фетовскую поэзию:

Фет не вдался ни в какую из крайностей — ни в вечную и праздную хвалу струям бархатного и маслянистого хереса, ни в пустозвонную шумиху гладких стихов, Бог знает о чем, хоть о том, например, как

¹ О заимствованиях Фетом некоторых мотивов из «Римских элегий» Гете позднее писал В. М. Жирмунский в книге «Гете в русской литературе»: «...при сопоставлении с “Римскими элегиями” антологические стихотворения Фета обнаруживают не столько заимствование отдельных мотивов, сколько общее сходство тематики и эмоционального колорита — сплетение образов южной природы, чувственной любви и античного искусства и мифологии, окрашенных эротическим сенсуализмом, сознательно утверждающим себя как философия наслаждения» [Жирмунский: 344].

² Здесь и далее курсив мой. — К. С.

проводится время в «Сокольниках», *ни в сладенькие и приторные нежности quasi a la Гейне*, надоевшие до смерти. Г. Фет остался самим собою, и несмотря на то, что талант его создан под влиянием Горация и Гете, имеет много общего с талантом Гейне и так же капризно-безучастен ко всему, как талант А. Де-Мюссе [Григорьев: 53].

Кудрявцев и Григорьев обратили внимание на *сдержанность, умеренность* стихотворений Фета, отмеченных влиянием Горация и антологических стихотворений Гете.

Григорьев противопоставил их стихотворениям, в которых сказалось влияние Гейне.

В рецензии на сборник стихотворений Фета 1850 г. Барон Брамбеус (О. Сенковский) также сравнивал Гейне и античного классика. Однако критик, в отличие от Григорьева, противопоставил их по несколько иному признаку. По мнению Барона Брамбеуса, Гомер воплотил «мысль нравственную», в отличие от Гейне и его подражателя Фета, сосредоточенных на выражении «неясных впечатлений»:

А мне <...> все тут непонятно. Во-первых, я не понимаю связи между любовью и снегом. Во-вторых, *не понимаю я поэзии без высокой мысли нравственной или религиозной, и знаю достоверно, что Гомер также не понимал ее без этого основного элемента*, и что в древности именно за это воздвигали ему храмы. Одно только понимаю я в этом деле, а именно то, что Гейне писал стихи точно так, как пишет господин Фет — что это школа — род сербской поэзии — сокол летит в Палестине, а царство падет на Косовом Поле — на стекле мороз чертит узоры, а девушка умна и Фет любит созерцать утомления [Сенковский: 9–10].

В контексте становления репутации Фета, сравниваемого с Гете и Горацием, с одной стороны, и с Гейне — с другой, следует обратить внимание и на оценку переводов Фета из Горация в литературной критике 1850-х гг.

П. Н. Кудрявцев в рецензии на «Стихотворения» Фета 1850 г. и А. Григорьев в статье 1853 года «Русская изящная поэзия в 1852 году» отмечали точность и близость переводов Фета к античному оригиналу: «Судя только по этому образцу, как не обещать, что художник, с которым наш поэт сроднил свое вдохновение, найдет в нем себе достойного посредника для того, чтобы его произведение, являясь в русском переводе, *не потеряло своего оригинального колорита?* Сколько мы знаем, не первый раз это

счастье достается Горацию» [Кудрявцев 1850: 20]; «В переводах же од Горация, из которых некоторые, назад тому лет восемь, были напечатаны в «Москвитянине», — стих его <А. А. Фета> *достигает необычайной силы, ловкости и чистоты отделки, выражение идет почти рука об руку с Горациевым*, и можно смело сказать, что такого перевода Горация нет ни в одной литературе» [Григорьев 1967: 86].

С 1853 г. редактором переводов Фета стал И. С. Тургенев. В письме к П. В. Анненкову 2 (14) ноября 1853 г. он, как и упомянутые выше критики, подчеркивал, что Гораций именно в переводе Фета станет широко известен в русской культуре:

Я эти дни ничего не делал; разбираю присланную мне Фетом первую книгу «Од» Горация, им переведенных. Много славянских слов — много неясных и натянутых стихов, — *но вообще перевод превосходный и останется в литературе.*

Он переводит рифмами, что, по-моему, очень хорошо и верно — гармонию следует прежде всего передавать гармонически — а подделка под древний размер с кавычками наверху — на поверку выходит просто какая-то ломаная проза.

<...>

А хоть из второй руки — как все латинское — хорошая вещь — все древнее, что ни говори! [Тургенев: II, 198–201].

В контексте сложившегося в русской литературной критике представления о литературном генезисе ранней поэзии Фета следует обратить внимание на его предисловие к переводам «Од» Горация (1856), ранее не становившееся предметом исследовательского внимания. Текст Фета представляет собой жизнеописание римского поэта. Фет в предисловии указывал, что ориентировался на «Жизнеописание Горация» Гая Светония Транквилла (прибл. 103 г. н. э.) и на автобиографические свидетельства Горация в его стихотворениях, которые Фет мог читать в оригинале или в переводе на немецкий язык.

Кратко скажем о главных событиях в жизни Горация, описанных Светонием.

По свидетельству римского биографа, Гораций родился в Везувии, был сыном вольноотпущенника, участвовал в гражданской войне в Римской Империи. Большую часть очерка Светония составляет повествование об отношениях Горация с императором

Августом и Меценатом. Жизнеописание завершается следующим пассажем:

...умер в пятый день до декабрьских календ, в консульстве Гая Марция Цезорина и Гая Азиния Галла, в Риме через пятьдесят лет после смерти Мецената, на пятьдесят седьмом году жизни. Наследником своим вслух объявил Августа, так как, мучимый приступом болезни, был не в силах подписать таблички завещания. Погребен и зарыт на окраине Эсквилина, подле гробницы Мецената [Светоний: 10].

Фет упоминает об отношениях Горация и Мецената, однако на первый план в очерке выходят события семейной и личной жизни римского поэта. Фет добавляет к образу Горация характеристики, которые отсутствовали в очерке Светония. Примечательно, что именно в таких фактах из жизни римского поэта эпохи Августа, которых нет в жизнеописании Светония, прослеживается сходство жизненного пути Фета с биографией Горация. Приведем некоторые параллели, позволяющие говорить о том, что Фет, по-видимому, сознательно проецировал повествование о Горации на собственную биографию.

Гораций служил в армии Брута во время гражданской войны в Римской Империи. В это время скончался его отец, и поэт не застал его в живых. Родина Горация, Венузия, была отдана ветеранам Цезаря, наследственное имущество оказалось конфискованным, и Горацию, как повествует Фет, пришлось добиваться славы с помощью поэтического творчества:

Хотя побежденные получили позволение возвратиться в отечество, но многие из них, в том числе друг Горация, Помпей Гросф, отправились с Секстом Помпеем в Сицилию. Но Гораций воспользовался позволением и возвратился в Италию в 713 году. Может быть, на этом переезде вытерпел он бурю у скалы Палинурской.

Отца своего Гораций не застал в живых, а именем его распорядились триумвиры. Такое затруднительное положение пробудило поэтические силы Горация; он стал искать славы [Фет: I].

Фет до 7 января 1858 г. служил в армии. 7 мая 1854 г. скончался отчим Фета, Афанасий Неофитович Шеншин. Поэт не застал его в живых. Он не мог получить наследства приемного отца, поскольку формально не был признан его сыном. Несколько позднее, в 1858 г., Фет все же получил часть наследства от своих сводных братьев и сестер [Благоволлина].

В фетовском жизнеописании Горация прослеживается еще одна явная параллель с судьбой самого Фета. Гораций был влюблен в женщину по имени Цинара, которая скоропостижно скончалась, и которой поэт посвящал многие свои оды. Как известно, в 1850 г. трагически погибла Мария Лазич, которой Фет, как Гораций — Цинаре, посвящал многочисленные стихотворения:

Умеренный в желаниях, довольный судьбой, 33 лет отроду, в полном развитии таланта, он жаждал любви, и тут судьба улыбнулась ему, по-слав ему нежную, добрую, преданную Цинару, которую он воспевал под именем Лалаги. Недолго красавица дарила счастьем нашего поэта: она скоро умерла [Фет: II].

Фет высказывает распространенное в 1850-х гг., как мы пытались показать выше, суждение об умеренности и нравственности античных классиков. Образ Горация, описанный Фетом, расходится с образом не умеренного в желаниях поэта, данный Светонием:

В делах любовных, судя по рассказам, был он неумерен, я говорят, что со своими любовницами он располагался в спальне, разубранной зеркалами, с таким расчетом, чтобы везде, куда ни взглянуть, отражалось бы их соитие [Светоний: 358].

Предисловие Фета к «Одам» Горация можно считать эстетической декларацией поэта.

Так, в отличие от Светония, Фет изображает Горация избранным свыше поэтом:

Соседняя гора Вульгур, быстрый поток Ауфида и красивые окрестности месторождения поэта, произвели на него живое впечатление в самом нежном возрасте. Читатель легко заметит тайное влечение, по которому Гораций постоянно в одах своих обращается к картинам природы, окружавшим его детство. Так, в кн. III, од. 4, с. 9 он описывает видение, посетившее его в отрочестве на горе Вульгуре, в лесу, спящим и окруженным голубями, которые накрыли его миртовыми и масличными ветвями, и как этот случай заставил зрителей видеть в нем богами избранного ребенка [Фет: III].

Как хорошо известно, романтическое противопоставление поэта толпе развивается в стихотворениях Фета на протяжении почти всей его поэтической деятельности.

Фету были близки творческие принципы Горация, бравшего за основу своих произведений события реальной жизни:

Гораций принадлежит к числу тех поэтов, которые черпают вдохновение непосредственно из жизни, а потому в его произведениях можно проследить за всеми современными явлениями. В них отразились все события от филиппинской битвы, Акцииума и походов Друза и Тиберия до сооружений храмов и до триумфальных шествий [Фет: III].

По-видимому, Фет в предисловии к одам Горация неявно пытался акцентировать некоторые соответствия эстетики Горация собственным эстетическим воззрениям.

В статье «О стихотворениях Тютчева» 1859 г. Фет писал о том, что произведение искусства основывается на реальных событиях, но не может им полностью соответствовать, оно должно оставаться недосказанным. Причем, свою идею Фет подтверждает цитатой из од Горация:

Придайте поэтической мысли резкость и незыблемость аксиомы, — она сейчас станет в ряду великих истин, воспрещающих казно, коно- и платкокрадство; вдайтесь в подробности, или окружите поэтическое явление равносильными ему другими, и оно побледнеет до ничтожества. Изваяйте из мрамора море и поставьте на его волнах каменную нимфу, — все захохочут; а придайте у ног этой же нимфы, — одной каменной волне форму движения, и ваша нимфа будет качаться по бурному морю. Стань Гораций в лирическом произведении подробно описывать троянский бой, все заснут. Но он говорит:

«Увы! в каком поту и мужи и кони»³
или:

«Как черен, весь в пыли Троянской Мерион»⁴ —
и битва перед вами. Тем не менее, оба эти элемента поэзии, при обратном своем отношении, ведут каждый в свою очередь к одному и тому же результату [Фет 1859: 126–127].

Обращает на себя внимание и еще один немаловажный сюжет, связанный с фетовским переводом поэзии Горация. Переводчик явно стремился быть замеченным императором Александром II. Фет посвятил ему «Оды» Горация в 1856 г., о чем хлопотал Тургенев через министра просвещения А. С. Норова. В «Моих воспоминаниях» Фет писал о том, что император даровал ему за перевод рубиновый перстень:

³ Carmina I, XV, “Pastor cum traheret per freta navibus”.

⁴ Carmina I, VI, “Scriberis Vario fortis et hostium”.

Книжка моих стихотворений, изданная Тургеневым, вышла на другой или на третий день по приезде моем в Петербург, и я тотчас же с благодарностью уплатил ему мой долг, не забывая собственно главной цели моего приезда: посвящения Его Величеству моего перевода Горация. Недоумевая, каким путем этого достигнуть, я остановился на мысли обратиться к тогдашнему министру народного просвещения Норову.

— Вы из наших, — любезно сказал Норов, узнавши, что я бывший студент Московского университета. — Я очень рад, что могу исполнить просьбу вашу и уведомить вас об ее исполнении.

Дней через десять чиновник при министерстве народного просвещения Добровольский, заставши меня у Некрасова, сообщил мне о принятии государем моего посвящения и о подарке мне рубиново-го перстня [Фет 1890: I, 129].

Посвящение Александру II книги поэта, приближенного к императору Августа, могло означать, что Фет и себя мыслил поэтом, преданным монарху и желал бы стать одним из приближенных к нему.

Предисловие к одам Горация Фет начинает с характеристики исторической эпохи, во время которой творил римский поэт:

Он образовался и возмужал в ту неблагоприятную для его таланта, переходную эпоху римской жизни, когда все беспорядки междоусобиц, все, так сказать, чужеродные наросты распадавшегося и дряхлого тела римской республики принуждены были исчезнуть под владычеством Августа и в то же время великие зачатки римской силы не успели еще заглохнуть среди стремлений к жизни внешней, блестящей с виду, но пустой по содержанию, и когда еще свежо было воспоминание о тех великих образцах доблести, которые в душе каждого римлянина возбуждали в тайне соревнование [Фет: I].

Переломная историческая эпоха, в которую писал Гораций, соответствовала социально-политической ситуации в России в середине и второй половине 1850-х гг., когда происходило интенсивное творческое становление Фета: уже упомянутая Крымская война, смерть Николая I, восшествие на престол нового императора Александра II. Несомненно, что для Фета его поэтическая деятельность была неотделима от служения государю. В течение 10 лет Фет пытался выслужить дворянство в армии. Но, когда в 1856 г. Александр II снова увеличил ценз на получение дворянства таким путем, «Фет решил уйти с военной службы. В 1856 г.

он взял годовой отпуск, который частично провел за границей (в Германии, Франции и Италии), по окончании годового отпуска уволился в бессрочный, а в 1858 г. вышел в отставку и поселился в Москве» [Бухштаб: 37].

Гораздо позже, в 1880-е гг. Фет проводил параллель между Горацием и императором Августом, который покровительствовал поэтам, и русскими поэтами и императорами⁵:

Поэты и философы окружали царей не потому, что последние их драли, а потому, что при твердом течении дел можно думать и о поэзии; тогда как ты говоришь, что «преврати земную жизнь в земной эдем и простись с поэзией», — а я прибавляю: ни эдема, ни поэзии не будет. Аристотель и Платон благодушествуют у царей, а республика отравляет их учителя. Мольер обедает у Людовика XIV, а Конвент рубит голову Андрею Шенье. Цицерон во время республики обезглавлен, а около Августа сияет поэзия (из письма А. А. Фета — Я. П. Полонскому 12 июня 1888 г.) [Фет 2008: 659].

Издание «Од» Горация в переводе Фета и собственных «Стихотворений» Фета в 1856 г. совпало с завершением Крымской войны. Как отмечает поэт в «Моих воспоминаниях», его поэзия в это время пользовалась небывалым успехом в литературных кругах:

Вследствие этого, в первых числах января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпуск, я однажды вечером растворил дверь в кабинет Некрасова и нежданно захватил здесь весь литературный кружок.

— О! а! э! И! — раздалось со всех сторон. Между прочим, и Дружинин с улыбкою, протягивая мне обе руки, громко воскликнул: «На суку извилистом и чудном!»
повторяя мой, спасенный его разъяснениями, стих.

С этих пор милый Дружинин постоянно встречал меня этим стихом, точно так же, как, в свою очередь, я постоянно встречал Полонского его стихом:

«В те дни, как я был соловьем!»

И каждый раз на мое приветствие он сам разражался добродушнейшим смехом [Фет 1890: I, 126].

⁵ В 1883 г. вышло полное собрание од и эподов Горация в переводе Фета. Они также были посвящены «почившему в Бозех императору» Александру II [Фет 1883: I].

Литературный триумф Фета подкреплялся и посвящением «Од» Горация императору. Включая в предисловие к ним автобиографические параллели, поэт хотел зафиксировать в сознании современников проекцию собственного творчества на поэтический мир Горация. В глазах окружающих Фета литераторов Гораций был гораздо более авторитетной фигурой, чем Гейне, с которым критики постоянно сравнивали русского поэта.

ЛИТЕРАТУРА

- Благоволлина: Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869. Вступительная статья, публикация и комментарии Ю. П. Благоволитиной // Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение. М., 2008. Кн. 1. С. 156–187.
- Боткин: *Боткин В. П.* Стихотворения А. Фета // Современник. 1857. № 1.
- Дружинин: *Дружинин А.* Стихотворения А. Фета // Библиотека для чтения. 1856. № 5. Отд. V. С. 1–19.
- Григорьев: *Григорьев А. А.* Стихотворения А. А. Фета // Отечественные записки. 1850. Т. LXVIII. С. 49–73.
- Григорьев 1967: *Григорьев А.* Русская изящная литература в 1852 году // Григорьев А. Литературная критика. М., 1967.
- Жирмунский: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982.
- Кудрявцев: *Кудрявцев П. Н.* «Лирический пантеон» А. Фета // Отечественные записки. 1840. Т. 13. № 12. Отд. VI. С. 40–41.
- Кудрявцев 1850: *Кудрявцев П. Н.* Русские второстепенные поэты. III. А. Фет // Современник. 1850. Т. XX. № 3. С. 4–22.
- Светоний: *Светоний.* Жизнеописания Горация // К. Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб., 1993. С. 357–358.
- Сенковский: *Барон Брамбеус [Сенковский О.]*. Стихотворения А. Фета // Библиотека для чтения. 1850. № 5. С. 9–10.
- Современник: Современник. 1854. № 1.
- Тургенев: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961–1967.
- Фет: *Гораций.* Оды / Пер. и предисл. А. А. Фета. М., 1856.
- Фет 1859: *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. И. Тютчева // Ф. И. Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников. М., 1999. С. 121–138.
- Фет 1890: *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1–2.
- Фет 2008: Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение. М., 2008. Кн. 1.